

В итоге Гу Цзиньюй не смогла уговорить Гу Яня.

Хотя она и была единственной дочерью в семье, однако, в конце концов, Гу Янь был самым младшим, да еще и со слабым здоровьем.

Наблюдая за тем, как Гу Цзиньюй неохотно позволила унести кролика, а Гу Янь торжествующе поднял брови, в своем сердце маркиз Гу испытывал смешанные чувства.

Гу Янь с юных лет был очень нелюдимым; он не был близок ни с кем, включая даже свою мать Яо Ши.

Он отвергал всех, кто хорошо относился к Гу Цзиньюй, но дело в том, что почти никто во всем поместье не относился к ней плохо.

Если бы сейчас он не знал правды, он бы, как и раньше, считал, что во всем виноват его сын, не думая о том, что именно он больше всех пострадал от исчезновения самого важного человека для него в этой жизни.

Однако, даже если он считал, что виноват его сын, он никогда не обвинял его в жестокости, а лишь удваивал свои усилия, чтобы загладить обиду, нанесенную Цзиньюй.

Однако обиды, которые переживала Цзиньюй, можно было компенсировать, но как быть с тем, что испытывал его сын?

То, что они не могли дать своему сыну, мог ли тот ребенок дать ему?

.....

После того как Гу Цзяо спустилась с горы, она не стала спешить домой, а сначала отнесла волка на рынок, где и продала его за восемнадцать таэлей серебра.

После этого Гу Цзяо отправилась в академию за Сяо Люланем и Гу Сяошунем, и потом они втроем вернулись в деревню.

Старушка, которая целый день воевала с маленьким Цзин Куном, наконец-то, была свободна.

Она обмякла в своем плетеном кресле, сил у нее не осталось ни на что, даже на самые простые движения. Ей казалось, что, если они бы задержались еще хоть на минуту, то она бы просто умерла на месте!

Маленький Цзин Кун весь день с нетерпением ждал Гу Цзяо, но, когда она, наконец,

вернулась, он убежал обиженный.

Он сидел в западной комнате на маленькой скамейке в углу, один, прислонившись лицом к стене, выглядя так жалко, как только мог.

Гу Цзяо не поняла, что произошло, и была немного удивлена, не увидев маленького Цзин Куна: «А где Цзин Кун?»

Старушка со слабым вздохом указала на западную комнату: «Он злится и поэтому спрятался от тебя».

Гу Цзяо озадаченно спросила: «Злится? Кто его разозлил?»

Старушка недовольно посмотрела на Гу Цзяо и Сяо Люланя и ответила: «Вы двое! Кто велел вам нести его в свою комнату посреди ночи? Кто велел вам уходить до рассвета?»

Первое предложение было адресовано Сяо Люланю, а второе - Гу Цзяо.

«Я устала!» Старушка продемонстрировала, что не хочет больше заниматься делами этой супружеской пары!

Гу Цзяо сначала ничего не поняла, но как только старушка прямо указала ей, тогда только до нее дошло.

Она пошла в западную комнату.

Маленький Цзин Кун наострил уши, услышав чье-то приближение, но не обернулся.

Гу Цзяо подошла к нему сзади, наклонилась, заглянула ему в лицо и спросила: «Ты злишься на меня?»

Маленький Цзин Кун развернулся на маленькой скамеечке и продолжил сидеть спиной к Гу Цзяо.

Последняя опять мягко произнесла: «Я не хотела этого. Я не думала, что ты испугаешься».

Маленький Цзин Кун не смог удержать язык за зубами: «Я вовсе не испугался! Я не такой робкий!»

Гу Цзяо притворилась удивленной: «Правда? Тогда почему ты злишься?»

«Я ... Я ... Я ... Потому что я ...» Маленький Цзин Кун некоторое время заикался, не в силах сказать: Я скучал по тебе.

Гу Цзяо еще раз заглянула ему в лицо. Маленький Цзин Кун снова отказывался смотреть на нее. Но Гу Цзяо твердо посмотрела на него: «Хорошо, это была моя вина сегодня. Я прошу у тебя прощения. Сможешь ли ты простить меня?»

Маленький Цзин Кун бросил быстрый взгляд на Гу Цзяо и так же быстро опустил голову. Он сжал в кулаке край своей рубашки и тихо произнес: «Мне нужен поцелуй, чтобы простить тебя».

Сердце Гу Цзяо готово было растаять от умиления. Что это был за очаровательный малыш? Она подарила бы ему даже не один, а десять поцелуев!

Гу Цзяо без колебаний поцеловала его в маленькую щечку!

Маленький Цзин Кун остолбенел!

Он широко распахнул свои глаза, похожие на черные виноградины, и несколько секунд смотрел на Гу Цзяо, прежде, чем, наконец, громко вскрикнуть!

«Ах!»

Он сказал это просто так, в небрежной манере, не надеясь, что она действительно поцелует его!

Маленький Цзин Кун закрыл лицо своими маленькими ручками и застенчиво убежал!

После поцелуя он покраснел, как будто всю ночь пил вино.

Во время ужина он сидел рядом с Гу Цзяо и вел себя, как маленькая застенчивая Mimosa.

Вечером Сяо Люань, как обычно, набрал деревянный тазик воды. Сидя в нем, маленький Цзин Кун повернул левую щеку к Сяо Люаню и сказал: «Достаточно помыть только эту щеку, другую не надо, там поцелуй!»

Сяо Люань с холодным выражением лица схватил мочалку из тазика и с остервенением потер им правую щеку.

Маленький Цзин Кун: «...»

Маленький Цзин Кун: «!!!»

«У-у-а-а-а ...»

Душераздирающий крик маленького Цзин Куна внезапно раздался из кухни, так что у старушки, которая закрылась в своей комнате, чтобы тайно полакомиться цукатами, заколотилось сердце, и она едва не поседела от страха!

Старушка не выдержала и яростно закричала: «Люлань! Что ты опять с ним сделал!?»

Сяо Люлань только и сделал, что стер поцелуй со щеки маленького монаха.

Маленький Цзин Кун плакал так жалобно, как будто случилась трагедия века.

Только когда Гу Цзяо подошла и поцеловала его еще раз, ему удалось остановить слезы.

После этого маленький Цзин Кун был очень осторожен и постоянно защищал щеку, прикрывая ее своей маленькой ладошкой, от коварных нападков плохого шурина.

Благодаря отсутствию волос на голове он мог ложиться спать сразу после принятия ванны, просто надев пижаму.

Держа в руках свою маленькую подушку, он сначала пошел в комнату старушки, чтобы пожелать той спокойной ночи, а затем направился в комнату Гу Цзяо, чтобы пожелать спокойной ночи и ей: «Цзяо Цзяо, я иду спать, увидимся завтра».

Гу Цзяо подошла, чтобы погладить его маленькую лысую головку: «Спи спокойно, я разбужу тебя завтра утром».

«Да!» Маленький Цзин Кун поскакал обратно в западную комнату.

Он снял обувь и забрался в постель.

Сяо Люлань сидел за своим столом и переписывал книгу.

Маленький Цзин Кун бросил настороженный взгляд на плохого шурина и отодвинул свою маленькую подушку подальше от подушки плохого шурина!

Сяо Люлань даже не поднял глаз и лишь тихо хмыкнул.

Маленький Цзин Кун, подбоченясь, заявил: «Не смей трогать мои поцелуи!»

Сяо Люлань поднял брови: «Твои поцелуи?»

Маленький Цзин Кун самодовольно ответил: «Цзяо Цзяо подарила их мне! У тебя то их нет!»

Сяо Люлань медленно посмотрел на мальчика, и его глаза остановились на его маленьких упитанных щечках, и затем он неторопливо произнес: «Мне не нужно их трогать. Они сами улетят, когда ты уснешь».

Лицо маленького Цзин Куна мгновенно изменилось!

Как будто он уже представил себе жестокую картину двух поцелуев, покидающих его в тот самый момент, когда он спал, и по всему его телу пробежал холодок!

Эти два маленьких предателя!

После трехсекундного шока маленький Цзин Кун поспешно вскочил с кровати и отправился в комнату Гу Цзяо, попросив у нее вуаль, чтобы обернуть ее вокруг лица и головы.

Он плотно закутался, как маленькая крестьянка, которая собирается работать в поле.

Затем он величественно вернулся в западную комнату в этом стандартном крестьянском наряде.

Маленький Цзин Кун горделиво поднял подбородок и сказал своему плохому шурина: «Я их накрыл! Они больше не смогут улететь!»

Маленький Цзин Кун был очень умным мальчиком, хотя ему еще даже не было четырех лет, но он знал больше, чем его братья в храме. В то время как остальные маленькие монахи ломали голову над тем, как читать священные писания, он уже мог читать их задом наперед.

Поэтому раньше, когда он сделал заявление Сяо Люланю о том, что всегда занимал первое место в храме на каждом экзамене и что привык к этому, это, на самом деле, не было обычным хвастовством, а было простой констатацией факта.

У него был целый набор собственной логики, которую никто не мог поколебать. Никто из старших братьев не мог победить его словесно, даже настоятель не мог. На самом деле он был большой головной болью в храме.

Лишь при встрече с Сяо Люланем он иногда терпел поражение.

Но его логика все еще была непобедима и сильна, поэтому, сколько бы плохой шури́н ни влиял на его мысли, он все равно находил собственное решение.

Сяо Люлань сказал: «Что толку их прикрывать? Завтра, когда ты снимешь вуаль, они все равно улетят».

Маленький Цзин Кун ответил: «Нет, я их посадил там! Завтра утром они прорастут! В будущем они уже не смогут покинуть меня!»

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/1904754>